

СТРУКТУРА И МУЗЫКА ЧЕРКЕССКОГО (АДЫГСКОГО) ПОХОРОННОГО ОБРЯДА «ПСЫХЭГЪЭ» («ПЛАЧ НАД ВОДОЙ»)

дним из важнейших обрядов жизненного цикла черкесов (адыгов) является похоронный обряд – *хьэдэгъэ*, который заканчивается поминками усопшего – *хьэдэӀус*. Похоронный обряд образует особую систему социально заданных норм или правил поведения, строгое соблюдение которых являлось обязанностью каждого члена этноса. Погребальный обряд черкесов (адыгов) следует считать разновидностью жертвоприношений, благодаря которым душа умершего перед перерождением достигает достаточного уровня ритуальной чистоты. Поэтому правильное выполнение всех ритуалов, по представлениям черкесов (адыгов), должно было способствовать бессмертию души.

Описание наиболее архаичных элементов похоронного обряда черкесов (адыгов) встречаем в работах европейских авторов XIII–XIX вв. Дж. Интериано [5], Ф. Дюбуа де Монпере [10], Дж. Белла [1], Жан-Шарля де Бесса [2], Тебу де Мариньи [12] и др.

Верования черкесов (адыгов) носили политеистический характер, поскольку ряд обрядов (в частности, похоронный) связаны с обращением ко многим божествам. А. Т. Шортанов предпринял попытку систематизации адыгских божеств по образцу древнегреческого пантеона богов [15]. Он делил их на космогонические¹ и хтонические², возглавляемые *Тхьэ* – Тхашхо (Великий бог) – верховным божеством адыгов.

Как известно, обряд «Психэгъэ» (букв. «Плач над водой»; *псы* – вода, *гъын* – плакать) связан с поиском тела и похоронами души утонувшего, где имело место обращение к хтоническому божеству – богине вод *Псыхо-Гуаши*³ и космогоническому божеству – богу души *Псатха*.

Псыхо-Гуаши имели вид красивых женщин, расчёсывающих себе волосы. «Если при встрече с ними испугаешься, то заболеешь, а если не испугаешься, то вредное действие их не скажется. Они могут полюбить смертного и даже вступить с ним в тайную связь. Считали, что каждая

река имеет свою “госпожу” (гуашэ)», – отмечает Л. И. Лавров [7, с. 203]. Псыхо-Гуаши весьма пассивны и могут просто находиться в реке, лежать в воде или уходить в воду.

«Психэгъэ» – специальный черкесский (адыгский) обряд, который обязательно проводился даже в том случае, если тело утонувшего было найдено и похоронено для воссоединения его с душой. Он является наиболее типичным и репрезентативным для черкесской (адыгской) традиции.

Описание церемонии поиска души утопленника встречается у нескольких авторов – Д. Мачавариани и И. Бартоломея [9], Л. И. Лаврова [7], Г. Ф. Чурсина [14], А. Т. Шортанова [15], Ш. Д. Инал-Ипы [4] и др. [3; 13].

Рассмотрим обряд «Психэгъэ». После того, как семья узнавала о несчастье, оповещали родственников, соседей и сельчан, которые позднее участвовали в обряде. Главная роль в нём отводилась ритуальному наигрышу, исполняемому на *камьле*⁴ приглашённым *камьялшиа*⁵. Для его проведения собиралась процессия, которая делилась на две группы. Затем все присутствовавшие молча, под звуки ритуального наигрыша на камьле и с необходимой для такого случая птицей – петухом, двигались вдоль берега реки. По мифологическим представлениям адыгов считалось, что после смерти связь между душой и телом человека сохраняется и «душа утонувшего человека остаётся, по народному поверью, в реке ещё дней пятнадцать и блуждает под водою, около того места, где он утонул» [9, с. 81–82]. Люди верили, что в том месте, где прерывалась мелодия, и произошло печальное событие. Если же тело не было найдено, тогда многократно повторяли заклинание-просьбу, обращаясь к богине вод Псыхо-Гуаши и богу души Псатха с надеждой, что их просьба будет услышана и вернёт утопленника или хотя бы возвратит его душу. Данная процедура была необходима для того, чтобы вымолить тело погибшего у богини вод, поведав о его жизни. Композиция обращения, в которой перечислялись все добрые

деяния пропавшего, в целом носила открытый импровизационный характер. Само воззвание к богам изначально шло из язычества и отличалось степенностью и торжественностью. Если тело не удавалось найти и после этого, тогда участники церемонии старались призвать его душу, которая, по их мнению, оставалась на месте гибели. Исполняя наигрыш, процессия возвращалась в аул, считая, что душа «вернулась» с ними. Затем начинались похороны души.

По другой версии, подзвав душу, её помещали в специальный сосуд, заранее приготовленный, затем накрывали его небольшим куском шкуры жертвенного быка и завязывали, чтобы она вновь не «улетела». После ритуальных действий все участники торжественно, под звуки наигрыша, пританцовывая, возвращались в аул и проводили похороны.

Обряд «Псыхэгъэ» условно можно разделить на семь разделов, а в случае, если тело погибшего не находили, он дополнялся двумя новыми ритуалами и общее число достигало девяти. Здесь рассматривается второй вариант, так как он сложнее предыдущего не только по структуре, но и по семантике.

Семья погибшего, получив сообщение о печальном событии, начинала его оплакивать в доме (*первый раздел*). Во *втором разделе* собравшиеся родственники и близкие под звуки ритуального наигрыша совершали церемониальное шествие для поиска утонувшего или ловли души на берегу реки. *Третий раздел* связан с обращением к богине вод Псыхо-Гуаше и изложением просьбы о помощи в поисках утонувшего. Если тело не находили, то обращались к богу души Псатха, чтобы он помог найти душу погибшего и призвать её к ним. Деяния пропавшего перечисляли в *четвёртом разделе*; в *пятом* призывали душу погибшего; в *шестом* проходило вылавливание души при помощи духов рек; в *седьмом* душа помещалась в специальный сосуд для переноса к месту захоронения; в *восьмом* процессия препровождала душу в аул для проведения похоронного обряда. И наконец, *окончание* – переход обряда поиска утонувшего в похоронный обряд (воссоединение тела и души).

Некоторые разделы обряда могли опускаться (в частности, четвёртый): если тело не находили, тогда искали душу погибшего. Кроме этого, четвёртый и седьмой разделы в случае, если всё-таки тело было найдено, исключали и переходили к последующим ритуалам.

Сложное взаимодействие происходит в обряде «Псыхэгъэ» между мифом, музыкой и словесным компонентами. Образуется своеобразная триада: субъект (инструментальный наигрыш) – реципиент (покровитель, божество) – объект (человек, с которым произошёл несчастный случай). Взаимодействие всех компонентов триады определяет структуру обряда. Если представить её как своеобразную систему, то можно выделить три уровня: *A* – камыляпша, исполняющий ритуальный наигрыш-обращение, *B* – покровитель обряда (богиня вод Псыхо-Гуаша и бог души Псатха), *C* – утонувший человек, за которого обращаются к покровительнице. При рассмотрении уровней *A* и *C*, мы можем отметить тенденцию к их объединению. Для большинства адигских обрядов характерно то, что исследуемый уровень *B* представляет собой обращение к божеству-покровителю, связанное с попыткой магического воздействия на природу. Немаловажно и то, что *B* всегда является центральным разделом обряда и не объединяется с другими.

Во время обряда камыляпша под неизменную мелодию ритуального наигрыша совершает ход с присутствующими вдоль берега реки к месту трагедии. Там они обращаются к богине вод Псыхо-Гуаше и к богу души Псатха для поиска души погибшего, затем от своего имени в форме беседы присутствующие излагают свою просьбу. Во многом она являлась отдельным текстовым пластом, не образующим внутри сколько-нибудь связанного повествования. Это могли быть длинные тексты, не функционирующие в других обрядах или вообще бытующие вне обряда. Они исполнялись любым из присутствовавших, где излагались добрые деяния утонувшего, для того чтобы умиловить богов и вернуть им его душу. Данное обращение являлось путешествием в верхний мир, после которого ждали возвращения души утопшего. Мифология в таких случаях, по выражению Б. Н. Путилова, прямо внедряется в ритуал, захватывая куски текстов, передавая им своих персонажей [11, с. 91]. Упомянутые обращения не существуют и не рассказываются вне определённых обрядов, хотя содержание их гораздо шире, чем простое описание. Это своего рода ритуальный текст, и он тождествен обряду.

Особый интерес в контексте обряда «Псыхэгъэ» представляет *камыль*, где ему отводится одна из главных ролей. На нём играют специальный ритуальный наигрыш – «Псыхэгъэ» («Плач над водой»), способствующий поиску

тела утонувшего. Во время обряда наигрыш звучал до тех пор, пока не обнаруживали утопленника. Несмотря на это, ритуальный наигрыш, исполняемый во время шествия, приобрёл некоторую автономию по отношению к самому обряду. Обращение к богине вод Псыхо-Гуаша и к богу души Псатха является первичным мотивом, который отходит на второй план и даже создаётся впечатление, что он забылся; во время этого обряда передаётся эмоциональное состояние участников ритуала. Для исполнения ритуального наигрыша камыль иногда заменяли адыгским старинным смычковым инструментом – адыгской скрипкой – *шичепшиной*.

Помимо камыля (или шичепшины), в обряде «Псыхэгъэ», как уже отмечалось, использовался петух. Звук, издаваемый им во время ритуала, трактовали как знак того, что именно здесь произошло печальное событие. Данный обряд бытовал у абхазов под названием «Апстгара», получив его от наименования особой ритуальной песни без слов, которую исполняли во время его совершения. «Посреди речки, около бурдюка становится самый близкий и любимый для покойника человек. Он ласково уговаривает душу утопленника войти в бурдюк, чтобы отправиться к месту вечного упокоения. Народ, стоя по обеим берегам реки, поёт под звуки “апхярца”⁶ или свирели особые песни “апстгага”, а затем с песнями, специальными танцами несёт завязанную в бурдюке⁷ душу на могилу», – пишет Г.Ф. Чурсин [14, с. 193–194].

Имеретины для поиска утопленника пускали в воду кусок хлеба с серебряным двугривенным сверху. Считалось, что там, где хлеб останавливается и начинает вертеться, и находится пропавший.

Карачаевцы и балкарцы во время обряда играли на *сыбызгы* – свирели: «... люди глубоко верили, что сопровождаемая музыкой песня помогает найти утопленника, ибо они должны были задобрить божество воды»⁸ [8, с. 20]. Если черкесы и абхазы искали тело против течения реки, то карачаевцы и балкарцы – по течению реки, при этом «идут к реке с петухом, убеждённые в том, что на месте, где может оказаться утопленник, петух закричит» [6, с. 137]. Обряд «вылавлива-

ния души» бытовал и у сван, которые приходят к месту гибели с бурдюком, скрипкой – чианури⁹ и петухом.

Обряды, связанные с поисками и похоронами человека, упавшего со скалы или с дерева, весьма схожи с обрядом «поиска души», но с той разницей, что перед началом его поисков и дальнейшими похоронами необходимо было принести в жертву «козла или барана (но не коз) и умолить «владыку этих гор» позволить поднять погибшего¹⁰.

Существует единственная аудиозапись черкесского (адыгского) ритуального наигрыша «Псыхэгъэ», исполненного на камыле в ауле Коше-Хабль Хабезского района Карачаево-Черкесии (1949) Нухом Кондоховым (р. 1878)¹¹ (пример № 1).

Пример № 1 Наигрыш камыля из обряда «Псыхэгъэ». Нотация А. В. Гучевой

Особый интерес представляет также и единственная аудиозапись вокальной мелодии «Псыхэгъэ» («Плач над водой»)¹², исполненной и зафиксированной в Нальчике (1961) Зарамуком Патуровичем Кардангушевым (1918–2008) (пример № 2). В подзаголовке имеется указание – «Тхьэльэу макъэмэ» («Мелодия обращения»). Исполняли её, вероятнее всего, во время шествия, чтобы камыляпша мог передохнуть, хотя слово «тхьэльэу» в дословном переводе означает «праздничная трапеза».

воду. Данная процедура продолжалась до тех пор, пока от испарений воды он не надувался, – «значит душа уже попала в него; тогда затягивают его этой нитью и относят к родственникам утонувшего, которые выкупив душу, в тот же день выпускают её по той нити через особое, нарочно для того сделанное отверстие в могилу, дабы там опять она соединилась с телом» [9, с. 82]. Иногда вместо серебряной нити использовался шёлковый шнур и новый бурдюк [14, с. 193–194].

По представлениям абхазов, если не похоронить душу утопшего, она «отделяется от тела и беспокоит своим ночным появлением уже похороненного покойника, пока её не выловят» [4, с. 66] и не похоронят.

⁸ В карачаево-балкарской мифологии покровительницей воды выступает Энекей. Согласно народным поверьям, внешне она напоминала женщину с длинными светлыми волосами и жила на дне рек, озёр и водоёмов [8, с. 20]. Покровителями воды в карачаево-балкарской мифологии, помимо Энекей, были Данметтир и Сюлемен. Их называли Суу Анасы, то есть, Матерью Воды [8, с. 20]. Карачаевцы и балкарцы «верили, что утонувшего заманила хозяйка воды (суу анасы) или заворожили русалки (суу кызла)» [6, с. 137].

⁹ Игрой на чианури и соответствующими просьбами душу заманивают в бурдюк. Пока петух не запоёт, считают, душа не найдена; запел петух – значит, душа вошла в бурдюк. После того бурдюк, в сопровождении петуха, несут в родное селение, чтобы похоронить рядом с родными [14, с. 193–194].

¹⁰ Без этой молитвы и согласия «владыки гор» покойника не подымешь, его не сдвинуть с места. Считалось, что когда несут хоронить погибшего, нельзя плакать, иначе он станет тяжёлым или гром поразит плачущего. Чтобы найти и взять душу погибшего, приносят новый козий бурдюк, вешают на шёлковом шнурке у места гибели и играют тот же ритуальный наигрыш на свирели, прося душу соединиться с телом [14, с. 193].

¹¹ Звукозапись А. Т. Шортанова в ауле Коше-Хабль Хабезского района КЧР (1949) от исполнителя Нуха Кондохова (р. 1878; камыль). Фонотека ИГИ КБНЦ РАН № 86/6.

¹² Звукозапись З. П. Кардангушева в Нальчике (1961) от исполнителя Зарамука Патуровича Кардангушева (1918–2008; голос). Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, № 46/12.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкессии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред. перев., введ., вступит. ст. к текстам В. К. Гарданова (далее АБККЕ). Нальчик, 1974. С. 458–530.

2. Бесс Ж. Ш. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, и Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. // АБККЕ. С. 329–352.

3. Гучева А. В., Гучева Ф. В., Эфендиев Ф. С., Марченко О. А., Жаппуева Л. Х., Мидова М. К. Историко-культурная реконструкция обрядовой культуры черкесов (адыгов). Сакральная составляющая и этнические компоненты в звучании обряда (по письменным, фольклорным и этнографическим источникам) // Всеобщая история. М., 2016. № 3. С. 32–54.

4. Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. 2-е изд., перераб. и доп. Сухум: Дом печати, 2011. Т. 3. 688 с.

5. Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // АБККЕ. С. 43–52.

6. Кучмезова М. Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 213 с.

7. Лавров Л. И. Доисламские верования адыгей-

цев и кабардинцев // Избранные труды по культуре адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 197–236.

8. Малкондуев Х. Х. Балкаро-карачаевская мифология // Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев. Т. 1. Мифологические и обрядовые песни и наигрыши. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. С. 15–23.

9. Мачавариани Д., Бартоломей И. Нечто о Самурзакани // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1864. Вып. 6. С. 74–83.

10. Монпере Ф. Д. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в колхидию, Грузию, Армению и в Крым // АБККЕ. С. 435–457.

11. Путилов Б. Н. Миф – обряд – песня Новой Гвинеи. М.: Наука, 1980. 384 с.

12. Тебу де Мариньи Ж. В. Путешествия в Черкессию // АБККЕ. С. 291–321.

13. Хашба И. М. Абхазские народные музыкальные инструменты. Сухуми: Алашара, 1967. 240 с.

14. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абхазское гос. изд-во, 1957. 263 с.

15. Шортанов А. Т. Древнеадыгский песенный фольклор и мифология // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов: в 3 т. / под ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1980. Т. 1. С. 27–32.

REFERENCES

1. Bell J. Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837, 1838, 1839 gg. [Diary of my Sojourn in Circassia in 1837, 1838 and 1839]. *Adygi, balkarsy i karachaevtsy*

v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII–XIX vv. (ABKKE) [Circassians, Balkars and Karachai in Reports of 18th and 19th Century European Authors]. Editing, Revision of

Translations, Introduction and Introductory Articles to the texts by V. K. Gardanov. Nalchik, 1974, pp. 458–530.

2. Bess Zh. Sh. Puteshestvie v Krym, na Kavkaz, v Gruziiyu i Armeniyu, Maluyu Aziyu i v Konstantinopol' v 1829 i 1830 gg. [Journey to Crimea, the Caucasus, Georgia and Armenia, Asia Minor and Constantinople in 1829 and 1830]. *ABKIE*. pp. 329–352.

3. Gucheva A. V., Gucheva F. V., Efendiev F. S., Marchenko O. A., Zhappueva L. H., Midova M. K. Istoriko-kul'turnaya rekonstruktsiya obryadovoy kul'tury cherkesov (adygov). Sakral'naya sostavlyayushchaya i etnicheskie komponenty v zvuchanii obryada (po pis'mennym, fol'klornym i etnograficheskim istochnikam) [Historical and Cultural Reconstruction of the Ritual Culture of the Circassians (Adygs). The Sacred Component and Ethnic Components in Sounds of Rituals (in Writing, Folklore and Ethnographic Sources)]. *Vseobshchaya istoriya* [General History]. 2016, No. 3, pp. 32–54.

4. Inal-Ipa Sh. D. *Voprosy etnokul'turnoy istorii abkhazov* [Questions of the Ethno-Cultural History of the Abkhazians]. 2nd Edition, Revised and Enlarged. Volume 3. Sukhum: Dom pechati, 2011. 688 p.

5. Interiano Dzh. Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkesami. Dostoprimechatel'noe povestvovanie [The Life and the Country of the Zikhs, known as Circassians. Noteworthy Narrative]. *ABKIE*, pp. 43–52.

6. Kuchmezova M. Ch. *Sotsionormativnaya kul'tura balkartsev: traditsii i sovremennost'* [The Social Normative Culture of the Balkars: Tradition and Modernity]. Nalchik: El-Fa, 2003. 213 p.

7. Lavrov L. I. Doislamskie verovaniya adygeytsiev i kabardintsev [The Pre-Islamic Beliefs of the Adygeians and Kabardinians]. *Izbrannye trudy po kul'ture adygov, karachaevtsev, balkartsev* [Selected Works on the Culture of the Circassians. Karachai and Balkars]. Nalchik, 2009. pp. 197–236.

8. Malkonduev Kh. Kh. Balkaro-karachaevskaya mifologiya. Antologiya narodnoy muzyki balkartsev i karachaevsev [Balkarian and Karachaian Mythology. Anthology of Balkarian and Karachaian Folk Music]. *Mifologicheskie i obryadovye pesni i naigryshi* [Mythological and Ritual Songs and Instrumental Tunes]. Volume 1. Nalchik, 2015, pp. 15–23.

9. Machavariani D., Bartolomey I. Nechto o Samurzakani [Some Information on Samurzakan]. *Zapiski Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society]. Issue 6. Tiflis, 1864, pp. 74–83.

10. Monpere F. D. Puteshestvie po Kavkazu, k Cherkesam i Abkhaztsam, v Kolkhidiyu, Gruziiyu, Armeniyu i v Krym [Journey to the Caucasus, to the Circassians, the Abkhazians, to Colchis, Georgia, Armenia, and Crimea]. *ABKIE*, pp. 435–457.

11. Putilov B. N. *Mif – obryad – pesnya Novoy Gvinei* [Myth – Ritual – Song of New Guinea]. Moscow: Nauka, 1980. 384 p.

12. Thebou de Marigny, j. V. Puteshestviya v Cherkesiyu [Travels to Circassia]. *ABKIE*, pp. 291–321.

13. Khashba I. M. *Abkhazskie narodnye muzykal'nye instrumenty* [Abkhaz Folk Musical Instruments]. Sukhumi, 1967. 240 s.

14. Chursin G. F. *Materialy po etnografii Abkhazii* [Materials on the Ethnography of Abkhazia]. Sukhumi: Abkhazian State Publishing, 1957. 263 p.

15. Shortanov A. T. Drevneadygskiy pesennyi fol'klor i mifologiya [Ancient Adyg Folk Songs and Mythology]. *Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [Folk Songs and Instrumental Melodies of the Circassians]. Edited by E.V. Gippius. In 3 Volumes. Volume 1. Moscow: Sovetsky kompozitor, 1980, pp. 27–32.

Структура и музыка черкесского (адыгского) похоронного обряда «Псыхэгъэ» («Плач над водой»)

Статья посвящена специальному черкесскому (адыгскому) обряду «Псыхэгъэ» («Плач над водой»), связанному с поисками души утонувшего. Он является наиболее типичным и репрезентативным для черкесской (адыгской) инструментальной традиции, где одну из главных функций выполняет старинный музыкальный инструмент *камьль*. Инструмент наделили сакральной силой, имеющей божественное происхождение и прокладывающей границу между человеческим первопредком и божествами. Авторы выделяют в обряде триаду: *субъект* (инструментальный наигрыш) – *реципиент* (покровитель, божество) – *объект* (человек, с которым произошёл несчастный случай). Взаимодействие указанных компонентов обусловило структуру обряда как своеобразную систему, рассматриваемую в статье. Выделили три её уровня: *А* – *камьлятиша*, исполняющий ритуальный наигрыш-обращение, *В* – покровитель обряда богиня вод Псыхо-Гуаша и бог души Псатха, *С* – утонувший человек, ради которого обращаются к покровительнице.

Ритуальный наигрыш «Псыхэгъэ» имеет ряд архаических особенностей, связанных композиционной структурой и манерой исполнения. Он основан на подвижных интонационных стереотипах с опорой на сакральную и образную монопрограммность. Не менее важную роль играет моноформульный тип инструментального вариационного развития.

Попытка реконструкции структуры обряда «Псыхэгъэ» предпринята впервые. При его анализе прослеживается взаимодействие мифа, музыки и слова.

Ключевые слова: музыкальный фольклор черкесов (адыгов), «Псыхэгъэ», обряд поиска души утонувшего, «Плач над водой», *камьль*.

The Structure and the Music of the Circassian (Adyghe) Funeral Rite “Psyheg’e” (“Lamentation under Water”)

The article is devoted to a special Circassian (Adyghe) ceremonial rite, the “Psyheg’e” (the “Lamentation under Water”), dealing with the search for the soul of the deceased. It presents the most typical and representative for the Circassian (Adyghe) instrumental tradition, where one of the chief functions is played by the historical musical instrument, the *kamyl*. The instrument was endowed with sacred power, possessing divine origin and interlaying the boundary between the human primary ancestors and deities. The authors accentuate within the rite a triad: the *subject* (the instrumental tune) – the *recipient* (the protector or deity) – the *object* (the person with whom the misfortune occurred). The interaction of the indicated components stipulated the structure of the rite as a peculiar system, which is examined in the article. All three of its levels have been accentuated – *A* – *kamyl’apsha*, who performs the ritual melody of addressing, *B* – the protector of the rite, the goddess of the waters of Psycho-Guasha and the god of the soul Psat’ha, *C* – the drowned man for whose sake the protecting goddess is addressed.

The ritualistic tune “Psyheg’e” possesses a set of archaic peculiarities connected by a compositional structure and manner of performance. It is based on movable intonational stereotypes with a reliance on the sacred and image-bearing mono-programmatic qualities. No less important a role is played by the mono-formula type of instrumental variant development.

The attempt of reconstruction of the structure of the rite “Psyheg’e” has been undertaken for the first time. In its analysis the interaction of myth, music and the word is traced out.

Keywords: musical folklore of the Circassians (Adyghe), “Psyheg’e,” the ceremonial rite of search for the soul of the deceased, “Lamentation under Water,” *kamyl*.

Гучева Анджела Вячеславовна

ORCID: 0000-0001-8683-9189

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и теории музыки
Северо-Кавказского государственного института
искусств, старший научный сотрудник
Сектора адыгского фольклора
Института гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук
E-mail: anggucheva@mail.ru
Северо-Кавказский государственный
институт искусств
Нальчик, 360000 Российская Федерация

Гулиева (Занукоева) Фаризат Хасановна

ORCID: 0000-0001-8883-4613

кандидат филологических наук,
научный сотрудник сектора
Карачаево-Балкарского фольклора
Отдела Балкарской филологии
E-mail: gfariza37@mail.ru
Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук
Нальчик, 360000 Российская Федерация

Angela V. Gucheva

ORCID: 0000-0001-8683-9189

PhD (Historical Sciences),
Associate Professor at the Department of Music
Theory and Music History of the Northern Caucasus
State Institute for the Arts,
Senior Research Assistant of the Sector for Adyg
Folklore of the Institute for Humanitarian Research
of the Kabardinian-Balkarian Research Center
of the Russian Academy of Sciences
E-mail: anggucheva@mail.ru
Severo-Kavkazskiy gosudarstvennyy institut iskusstv
Northern-Caucasus State Institute for the Arts
Nalchik, 360000 Russian Federation

Farizat Kh. Guliyeva (Zanukoyeva)

ORCID: 0000-0001-8883-4613

PhD (Philological Sciences)
Research Assistant at the Sector for Karachayevian
and Balkarian Folklore of the Department
of Balkarian Philology
E-mail: gfariza37@mail.ru
Institut gumanitarnykh issledovaniy
Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra
Rossiyskoy akademii nauk
Institute for Humanitarian Research
of the Kabardinian-Balkarian Research Center
of the Russian Academy of Sciences
Nalchik, 360000 Russian Federation